

С Л Ю Б О В Ь Ю К Ж И З Н И

К 60-летию со дня рождения В. Давтяна

ПРОЗРЕТЬ ГАРМОНИЮ

Основное в творчестве Ваагна Давтяна — любовь к жизни, жажда полноты бытия. Ему присуще то редкое качество, которое отличает только настоящих поэтов, — детское изумление перед жизнью, первозданность восприятия.

Стихи его очень фактурны: все, о чем он пишет, можно как бы потрогать, ощутить на вкус, обонять. Все в его стихах материально, зримо — даже незримое: звук, запах, вкус («голоса... молча корчатся в лунном свете», «медный запах, медный привкус дня»). Эта зримость иногда бывает у него непосредственной, а иногда ассоциативной. Ему свойственно то, что можно было бы назвать материализацией абстрактного. Как таинственный чудодей, он воплощает в плоть бесплотное — жест («крыльев тяжелых черные взмахи»), чувство («солнце... сочится тоскою, горячей и желтой»).

Стихи Давтяна просто изобилуют цветовыми метафорами. Краски его интенсивны: медные, черные, желтые, багровые... Почти нет полутонов. Преимущественно — краски полдня. А полдень этот не только пейзажный, это и полдень души, то есть духовная наполненность, интенсивность и яркость жизненных ощущений. Палитра Давтяна — это палитра художника, никогда не пресыщающегося жизнью; художника, не потерявшего священный изумления перед жизнью.

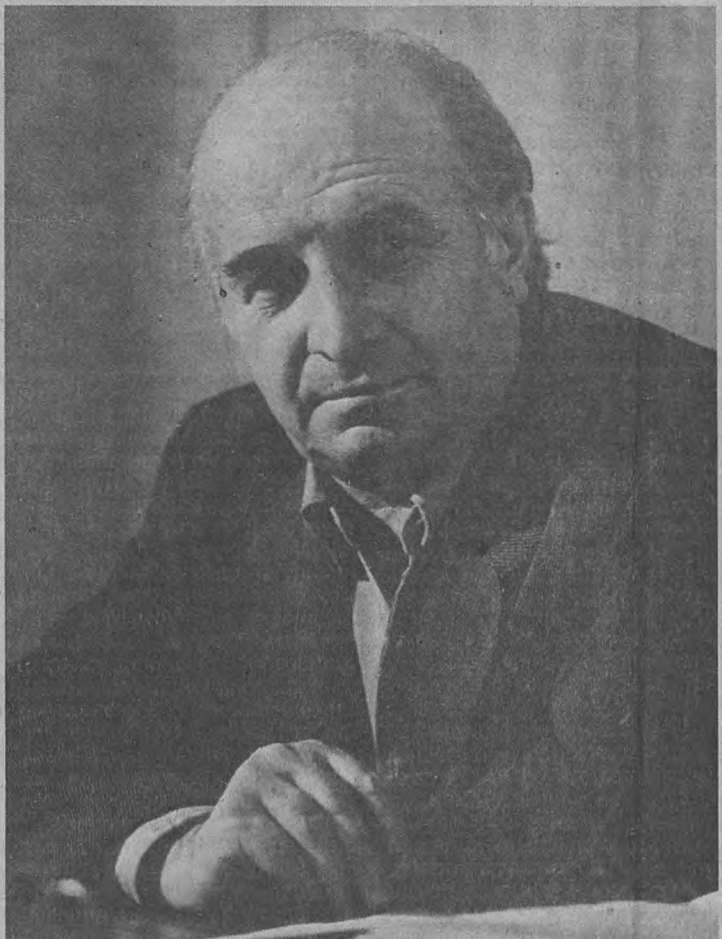
Хлеб, Родник, Земля, Мать, Женщина — эти образы, то — предельно конкретные, то — разрастающиеся до символа, проходят через все творчество Давтяна. Вот они — святости, которым он поклоняется. И как истинные святости они таинственны и не постижимы до конца.

Опять проснулось дикое волнение... Я чувствую, я знаю, это — ты... Ты — непонятное соединение, Слияние зари и темноты. — так обращается он к женщине.

Когда читаешь любовную лирику Давтяна, испытываешь странное ощущение. С одной стороны, его стихи чувственны. С другой стороны, все время возникает ощущение призрачности, анонимности, почти нереальности той женщины (или тех женщин), о которой он пишет. Может быть, речь идет не только и не столько о женщине конкретной, но и о женщине его мечты? Вот ведь пишет он в стихотворении «Песнь сна»:

И из той, земной, грубой глины пахнущей Евой Совершенно другую подругу себе сотворяю. Чтоб она, словно почва, покорна была и незряча, В то же время волю и тайным своим полыханьем.

Таким представляется ему идеал — Ева и Лилия, соединенные в одном образе. Очень близко к этому и другое стихотворение Давтяна — о древнеармянской богине любви Астхик:

Ты, о богиня — огонь, и любовь, Женственность мира, мольба нашей крови, Жажда гармонии, светлая боль... «Женственность мира» в ее бесконечных воплощениях — вот, что влечет к себе взор поэта.

В стихотворении «Песнь женщины» есть такая строфа:

Женщина — чудо земли... Если вдруг обнимается колено — Кровь твоя закричит и печаль зарыдает мгновенно.

Почему женская красота вызывает у него печаль? Поэт нигде не отвечает на этот вопрос, ибо чувствует, что существует печаль необъяснимая. Есть безымянная тоска, непостижимое желание, что просыпается в душе, не подготовленной заранее.

Мысль о тоске, вроде бы беспричинной, проскальзывает во многих стихах Давтяна. Он пытается понять, в чем же истоки этой странной, как бы из ничего родившейся печали.

Ты созиданья боль испытывал, Господь, И верно, грустным был в тот давний миг старинный. А я землею был, не воплощенной в плоть, Я глиной был тогда — И ты свою печаль смешал с моею глиной.

Пытаясь осознать причины безымянной боли, он обращается к своим истокам. Он ищет себя в той далекой стране, где мим — детство. («Этот старый наш сад. Куст лиловый сирени под солнцем. Под лиловым кустом белоснежный агнегон пасется»). Он ищет себя в глубинных пластах прошлого своей Родины. («Мне поздно, поздно дове-

лось родиться. Но может, в куполе одном столпцы я молчаливой мыслью был...»). И вот в его стихи грозно и мучительно входит тема Родины. Личная судьба тесно переплетается с историей народа, но не растворяется в ней, а напротив, обретает рельефность и новую значимость. Поэт говорит со своей землей, говорит без посредников:

Я поздно, поздно был рожден тобой. Но ты мне завещала свою боль, Ты пораженья, Горечь темных дум — И в сердце мне врывается самум, Раскосоглазых варваров орда Врывается мне в сердце сквозь года.

И тут будет уместным сказать о пражданственности поэта, об истинной пражданственности, которая, в отличие от ложной, не ограничивается заверениями в любви к Родине и народу. Настоящая пражданственность — не в ежеминутном, суетном, а в оттого кощунственном упоминании Родины, а в глубоко личностном восприятии истории и бытия народа. Незачем писать о трагическом прошлом страны, если смотришь на него холодными глазами коллекционера исторических фактов. «Ах, Родина, боль моя, сирота, Отчизна моя любимая», — так пишет Давтян в «Реквиеме», произведении, которое, на мой взгляд, является одной из вершин его творчества; произведением глубоко трагическим, вызванным к жизни болью поэта за поруганную Родину, голосами мертвых детей, кричащих, умоляющих о плоте воды; голосами погибших в Тер-Зоре поэтов, не успевших дать миру новые стихи:

И ты будет уместным сказать о пражданственности поэта, об истинной пражданственности, которая, в отличие от ложной, не ограничивается заверениями в любви к Родине и народу. Настоящая пражданственность — не в ежеминутном, суетном, а в оттого кощунственном упоминании Родины, а в глубоко личностном восприятии истории и бытия народа. Незачем писать о трагическом прошлом страны, если смотришь на него холодными глазами коллекционера исторических фактов. «Ах, Родина, боль моя, сирота, Отчизна моя любимая», — так пишет Давтян в «Реквиеме», произведении, которое, на мой взгляд, является одной из вершин его творчества; произведением глубоко трагическим, вызванным к жизни болью поэта за поруганную Родину, голосами мертвых детей, кричащих, умоляющих о плоте воды; голосами погибших в Тер-Зоре поэтов, не успевших дать миру новые стихи:

И ты будет уместным сказать о пражданственности поэта, об истинной пражданственности, которая, в отличие от ложной, не ограничивается заверениями в любви к Родине и народу. Настоящая пражданственность — не в ежеминутном, суетном, а в оттого кощунственном упоминании Родины, а в глубоко личностном восприятии истории и бытия народа. Незачем писать о трагическом прошлом страны, если смотришь на него холодными глазами коллекционера исторических фактов. «Ах, Родина, боль моя, сирота, Отчизна моя любимая», — так пишет Давтян в «Реквиеме», произведении, которое, на мой взгляд, является одной из вершин его творчества; произведением глубоко трагическим, вызванным к жизни болью поэта за поруганную Родину, голосами мертвых детей, кричащих, умоляющих о плоте воды; голосами погибших в Тер-Зоре поэтов, не успевших дать миру новые стихи:

И ты будет уместным сказать о пражданственности поэта, об истинной пражданственности, которая, в отличие от ложной, не ограничивается заверениями в любви к Родине и народу. Настоящая пражданственность — не в ежеминутном, суетном, а в оттого кощунственном упоминании Родины, а в глубоко личностном восприятии истории и бытия народа. Незачем писать о трагическом прошлом страны, если смотришь на него холодными глазами коллекционера исторических фактов. «Ах, Родина, боль моя, сирота, Отчизна моя любимая», — так пишет Давтян в «Реквиеме», произведении, которое, на мой взгляд, является одной из вершин его творчества; произведением глубоко трагическим, вызванным к жизни болью поэта за поруганную Родину, голосами мертвых детей, кричащих, умоляющих о плоте воды; голосами погибших в Тер-Зоре поэтов, не успевших дать миру новые стихи:

Ветер грозный и одинокий Задышался криком, от зноя сухим:

— «Под песком похоронены наши пророки, Под песком похоронены наши стихи...»

«Реквием» написан на очень большом накале душевных сил. Местами голос поэта срывается на крик, и этому крику вторят хриплые голоса Тер-Зора. И вот уже кажется — в мире нет ничего, кроме хаоса, мир распался на тысячу перебивающих друг друга звуков. И лишь где-то на самом дне — задыхающийся от боли поэт. И в этот момент — вдруг, как блаженный выдох, полилась светлая животворящая мелодия:

А там, под горою — Снова апрель. Оттепель плачет, Плещет капель. Всюду раскрылись бутончики цветов,

Звонят цветы. Льется гармония нежная. Море цветочное, море безбрежное...

И тут мы подходим к одному из принципиальных моментов творчества Давтяна. Почему он обратился к теме глубоко трагической? Ведь он — поэт, стремящийся к свету, к гармонии. Потому ли, что он честный художник и знает, что мир может быть не только прекрасным, но и уродливым? Да, конечно, и поэтому тоже. Но не только поэтому. Дело в том, что Давтян не относится к числу холодных эстетов. Он любит жизнь. Можно возразить — а кто ее не любит? Мне кажется, что ее не любят настоящие поэты — «жизнелюбы», которые «любят» только сладкое и светлое, то есть, в конечном итоге, относятся к жизни потребительски и воспринимают мир по извращенной формуле: «Не нравится, следовательно не существует». А те, кто чувствует трагизм мироздания, постоянное столкновение противоположностей, сложное переплетение жизни и смерти — те способны особенно остро ощущать радость жизни (не только мелкие радости, хотя и их тоже, и не только своей жизни, но радость бытия как такового вообще). И к числу таких людей относится Ваагн Давтян.

Сквозь страшное марево пустыни, в котором витают видения, «хрипы умерших хрустят под ногами» и звучит «музыка смерти», сквозь хаос и боль поэт видит жизнь, неуязвимую жизнь:

Там — на границе вечности синей — Рдеет восхода цветок — и не стынет, Утренний, огненный светится он. Перед цветком твоим, — яркой зарею, Перед огромною твоею свечою

Я склонен. Так прозрачно, так отчетливо может увидеть красоту жизни только человек, смотрящий сквозь увеличительное стекло слезы. И наверное, это одна из важнейших задач любого художника — сквозь явления, кажущиеся хаотическими и разрозненными, увидеть единое целое, прозреть гармонию.

Нина ГАБРИЭЛЯН. г. Москва.

Ваагн ДАВТЯН

Армения, Глубокое страданье — Та борода, которая питает Священный колос мудрости и света. Ты — эта борода — Морщина эта — на лице Земли.

Высокий колос твой отяжелел: Он зернами пшеничными наполнен.

Страна моя, Ты — борода, ты — колос, И хлеб — неисчерпаемый, Насыщенный.

Родник... Сверкающий, бегущий... Ни дать ни взять, босой малыш. Босой малыш, который на бегу Ударился ногой о камень — хохочет, Хотя слезы боли так из глаз и брызжут. Родник... Ах, этот горный ключ — Проворный, бьющий из-под кручи

ПЕСНЬ ВДОХНОВЕНИЯ

Рукою щедрой Даруй мне слово Ту первозданность простого слова, Чтоб пахло глиною Слово — тепло, Чтоб слово — дух, Как звезда, горело.

И зерна слов, Что во тьме всходят, И звезды слов, Что в ночи мерцают, И ширь земную с небесным кругом — Зерно и звезды — смеялся друг с другом!

И даруй слова, Чей ожог мгновенный Открывает Смысл вещей сокровенный.

И даруй слова, Что кровь очинают, Что печаль в ложах венах В свет превращают, И я становлюсь отрешен и светел, Как звезда и дождь, Как трава И ветер...

ПЕСНЬ КРОВИ

Подай мне слово, Что постигнуть хочешь, О чем там сверчок в темноте стрекочет И поет звезда в небесном покое... Подари мне слово такое, Что бредет по белой пустыне бумаги, Слово странник, жаждущий влаги, И все время бредит водой журчащей, И зеленою бредит чащей...

Рукою щедрой Даруй мне слово Единственное, Исполненное слова!

ПЕСНЬ КРОВИ

Ты в моем теле — Как в пшеничном поле, Ты горюшь лютанной своей чернотой. Ты — тревожный бессонный неволя, Ты становишься утром росой...

Если чудом Раскроется красная тайна — В ней тотчас вековая тоска зарыдает, Вспыхнет искра протрезвения моментально И легенд первобытный огонь засверкает... Ты — древнее всего. Древней ревностью и птице и богу Ты и вращение звезд Обратила столетий дорожку. Заклоченная в жили тесные — Безымянная песня, Стихи бессловесные...

Ты разнесишь по телу надежду веселую, Нагнеташь мне в сердце отчаяние черное, Ты такая усталая, Ты такая тяжелая, Ты — зоря в моем теле навеки заключенная...

ПЕСНЬ КРОВИ

Он пригнулся, азалла на себя Бремя жизни — зевоту о жизни, И стоит — этот золотолобый, Этот маленький-маленький колос, Чудо колос, творимый людьми.

Ветры, будьте поласковой с ним, Суть и холод, минутой его: Стебель колоса тонок, а бремя — Милосердие — Даренье любви.

...И УМНОЖАЙ ДОБРО

Стихи армянского поэта Ваагна Давтяна пользуются популярностью (благодаря удачным переводам Н. Гребнева, Е. Николаевской, Г. Плисецкого, Н. Габриэлян) не только в Армении, но и во всей нашей стране. Это способствует многое. В стихах Давтяна мало грохота, мало эстрадного (от чего мы все уже немного устали после непомерного увлечения 80-х годов). Зато есть неторопливое постижение чего-то необходимого, заветного, нужного душе навсегда. Я не хочу этим сказать, будто поэт удаляется от бурь века, от судьбы своего народа. Нет, он спаян тесно со своим народом, но это единение не декларируется, не выкрикивается; вся история армянского народа — и трагичная, и светлая — живет органично в его душе, а потому и в слове.

Стихи Давтяна комментировать трудно. Почти невозможно переложить на грубый язык прозы неуловимую тонкость переживаний, стоящую на самой грани музыкального постижения мира. Вот отрывок стихотворения, которое начинается с союза «и», как бы давая понять, что это — фрагмент, что у этого ощущения есть, была предыстория:

И, черной бессонницы тени страхнув, Печаль голубую С собою беру, И сердцем лечу в ту печальную даль. Как птица лечу. Трепеща на лету. Ничто не меняется там, говорят. Там росы и дикие маки горят.

Стихи Ваагна Давтяна — это стихи о том, как прекрасна земля, как прекрасна жизнь, и смысл этот раскрывается во всем, за каждым неожиданным поворотом. Он не гонится за ярким сравнением, за эффектной картинкой. Средства его на удивление просты и именно трудно объяснимы (это, должно быть, и есть высшее мастерство).

Стихи Ваагна Давтяна — это стихи о том, как прекрасна земля, как прекрасна жизнь, и смысл этот раскрывается во всем, за каждым неожиданным поворотом. Он не гонится за ярким сравнением, за эффектной картинкой. Средства его на удивление просты и именно трудно объяснимы (это, должно быть, и есть высшее мастерство).

И сходят в долины рассветные те Заря в своей варварской наготы, И нет там печалей грядущих времен, И нет у вещей первозданных Имен.

Быть может, никогда не доводилось мне читать более точных стихов о детстве. Да, это и есть, пожалуй, главная черта в творчестве Ваагна Давтяна — детская свежесть и верность зрению. Все на свежесть и верность зрению. Все на свете он видит как впервые, а потому всматривается остро, пылливо.

Тема труда, казалось бы, занимает в стихах Давтяна мало места. Он больше пишет о цветах («Здесь — господство, святое господство цветов», «В горах был снег и цвел цветок»), о любви, о красоте восходов и закатов («Со скал слезами капает вода»), о поэтах. Но так сплетено все воедино в стихах Давтяна, что и труд занимает в них место хотя и незначительное, но важное. Недаром одно из стихотворений называется «Свет как хлеб». Заметьте — не «хлеб как свет», а «свет как хлеб».

Стихи Ваагна Давтяна — это стихи о том, как прекрасна земля, как прекрасна жизнь, и смысл этот раскрывается во всем, за каждым неожиданным поворотом. Он не гонится за ярким сравнением, за эффектной картинкой. Средства его на удивление просты и именно трудно объяснимы (это, должно быть, и есть высшее мастерство).

«Мама из дому пришла за водою И над колодцем с ведром наклонилась». Ну, какими словами, кроме самых этих стихов, объяснить, почему простая и обыденная картинка вызывает в сознании, в памяти целый рой ассоциаций, целый мир знойного дня и темной сырости колодца, деревенской тишины и первозданного покоя притихшей на минуту в изумлении детской души!

В стихах Давтяна местами по мощи звучания слышится нечто от древнего гимна, от Бахова хорала, от многоголосой оратории. Это мысль, сказанная сердцем: поэзия мысли. И если Давтян оставит своему народу крупную книгу (целый том!) философской лирики, до какой он поднимается в цикле «Песни», то книга эта будет жить в народе века рядом с грациозной исповедью Нарекаци и глубокой лирикой Аветика Исаакяна. От этого большого поэта мы вправе ожидать больших свершений.

В Давтян редко, очень редко говорит в повелительном наклонении, очень редко декларирует что-либо. Но если уж делает это, то говорит о том, что вытекает из самой сути его добрых, умных стихов. А потому новая его книга «Неопалимая купина» завершается такими строками:

«...И лейся через край и к нам спеша почаше И всем дари добро и умножай добро». Это сказано о животворящей воде. Это сказано человеку. Эдуардс МЕЖЕЛАЙНС.

«Лучшее я еще не написал»

Совсем недавно, выступая перед читателями, Ваагн Давтян на вопрос — какие из своих произведений вы считаете лучшим — ответил:

— Лучшее то, которое я еще не написал, — и это говорил умудренный годами человек, мудрый поэт, который советской армянской поэзии подарил такие шедевры, как «Тондракийцы», «Степаша», «Реквием», цикл стихов «Песни» и множество прекрасных стихотворений.

Что же это — скромность или самоотрицание. Не то и не другое. Это свойство постоянного неудовлетворения, присущее любому крупному художнику, для которого сознание долга сопряжено с велением совести.

Велик и огромен творческий мир Ваагна Давтяна. Будь то в прозе или в поэзии, он создал много прекрасных образов, однако на мой взгляд, основным является образ Армени, запечатленный в его стихах.

Его этот образ — носитель добра, красоты и справедливости — собрал в себя трудолюбие, прямоту, оптимизм народа. Самое главное, в нем нет ничего декларативного — это пронизанный и убедительный образ. Потому он и доходит до читателя — читатель верит ему. Верю и я, что Ваагн Давтян, которому сегодня исполняется 60 лет, подарит нашей поэзии еще много прекрасных стихов, исполненных мысли мудрой и музыки чудной.

Аме САГИЯН.

ХРАНИТЕЛЬ ОГНЯ

Поэты с древнейших времен были почитаемы народом, но в те давние времена были люди, с которыми мне хочется сравнить поэтов, — это хранители огня. Поэты — хранители духовного огня народа. Если поэт живет жизнью народа, его прошлым и настоящим, если его заботит будущее, то он становится таким же необходимым, как хлеб — существующий, животворящая вода, — он есть дух создающий. Не потому что он строит, растит хлеб, вырабатывает колос, а потому что хлеб и колос получают у его стихах духовный смысл. Об этом и стихи Ваагна Давтяна. О чем бы он ни писал — о матери, о нашей прекрасной земле, о природе, о человеке — делает он это пронизанно, душевно. Его стихи обращены к душе человека:

Армянское небо мое, Голубая молебеня... О есть ли на свете что чище его, Беспредельней! Орлы здесь С Масисом и вечностью Держат совет... На нем абрикосовым деревом Пишет рассвет... Армянское небо мое, Голубая молебеня...

А. ВАРТАНЯН олицетворен колхоза сол Пехр Води Араратского района, депутат Верховного Совета СССР.

СЛОВО ПОЭТА

Творчество Ваагна Давтяна не просто обогащает нас, его стихи — наполняют нас теплотой и добрым пониманием жизни. Доброе понимание жизни — это мировоззренческая сторона его поэзии, прочувствованная им до конца Твоя и любовь к прекрасному.

му, любовь к Родине, которую проникнуты его стихи, посвященные природе нашего прекрасного края, — основной пафос его творений. Это ли не благодатный материал, на котором мы должны воспитывать подрастающее поколение. Приобщить учащегося к поэзии Ваагна Давтяна, это значит, учить их добру и справедливости, это значит наполнить их огромным человеческим стремлением лю-

бить, понимать человека. Учащиеся — народ благодарный, очень чуткий к поэтическому слову, и особенно, если слово это по-настоящему помогает им ориентироваться в нашем сложном мире.

А. АБАДЖЯН, учитель советской средней школы № 1.